

ДУХОВНЫЙ ДЕТДОМ

Бывают слова ключевые, опирающиеся новую смысловую территорию. А бывают, если воспользоваться сходной метафорой, словесные задвижки. Сказал — и закрыл дискуссию. Даже размышления на заданную тему будто затворил. К таким «задвижкам», на наш взгляд, можно отнести клише «конфликт отцов и детей».

Пятилетний ребёнок говорит матери: «Заткнись»?

— Подумать только! (Растроганная улыбка.) Уже проявляется конфликт отцов и детей!

Подросток не приходит домой ночевать?

— Ничего удивительного! (Снисходительно-знающая улыбка.) Это ж переходный возраст, неизбежное обострение конфликта отцов и детей!

Юноша убил отца?

— Мда... (Беспомощная улыбка со вздохом.) В наше время конфликт отцов и детей порой принимает опасные формы.

И утешительный довесок: «Что поделаешь? Сейчас такое по всему миру...»

А что, если всё-таки приложить некоторые усилия и отодвинуть засов? Войти на порядком одичавшую территорию и заняться своеобразной прополкой, выдернуть хотя бы два-три крупных лопуха?

Лопух первый: конфликт отцов и детей существовал всегда

Такой глобальный конфликт непременно оставил бы заметный след в обычаях, традициях, особенностях жизненного уклада, был бы отражён в свидетельствах историков, этнографов, в художественной литературе.

А там отражено нечто абсолютно противоположное. Русские крестьяне на протяжении многих веков жили большой семьёй, включавшей в себя несколько поколений. Женатые сыновья могли, конечно, отделиться, но далеко не все стремились это сделать. Под Иркутском есть этнографический музей «Тальцы», и, побывав там, можно убедиться, что даже не рубеже XIX—XX вв. отцы, женатые и неженатые дети, деды и прадеды жили одним, может, и небольшим, по нашим меркам, домом.

А в качестве более просторного, зажиточного дома экскурсантам показывают избу из двух половин. В каждой — по горнице и кухне. Но даже здесь распределение было не такое, что на одной половине жили старики, а на другой молодые. Нет, вторая половина была парадной — для праздников и гостей. А на первой уживалось до 20—25 человек! Летом, правда, женатая молодёжь получала возможность уединиться в клетушках на сеновале, но с наступлением холодов семья опять собиралась в горнице.

И так, с небольшими поправками и модификациями, жили по всей России. Прагматическими причинами (скажем, нищетой или нежеланием делить землю) это объяснить нельзя. В отдельных случаях, когда женатый сын, овдовевшая невестка или взрослая незамужняя девица желали самостоятельности, им выделялась часть земли, строился дом, отдавалась доля скота. Причём это могли себе позволить даже крепостные крестьяне!

В книге Громыко М.М. и Буганова А.В. «О воззрениях русского народа» читаем: «Вот, например, в крепостной ещё деревне Ярославщины (80-е гг. XVIII в.) сноха Маремьяна Яковлева ушла с сыном из дома свёкра. По утверждённому миром договору свёкор выделил ей и внуку часть надельной и часть купленной земли и, кроме того, долю хлеба, одежды и двух коров. Такие решения были нередки».

Или из другой книги: «В 1781 г. в Никольской вотчине братья Тякины, разделяя родительский дом между собой, решили сестре и тётке, если они пожелают жить

Ирина Медведева,

Татьяна Шишова,
психологи, члены
Союза писателей
России,
соучредители
Фонда социально-
психического
здоровья семьи
и ребёнка

отдельно, из «общего капитала» выстроить на своей земле «келью с особливым покоем» и «наградить» скотом, хлебом и платьем «без всякой обиды» (Александров В.А. Семейно-имущественные отношения по обычному праву в русской крепостной деревне XVIII — начала XIX в. // История СССР М., 1979. № 6). В общем, обрести отдельную «жилплощадь» в стране, столь богатой лесом, не составляло особого труда.

А теперь подумаем: могло ли так быть, что большая, в несколько поколений семья, пребывая в извечном конфликте отцов и детей и при этом будучи в состоянии расселиться, продолжает из века в век жить под одной крышей? С психологической точки зрения нам кажется это немислимым. Посмотрите, во что превращается ныне жизнь семьи, состоящей всего-то из трёх человек, обитающей в двух-трёхкомнатной городской квартире, когда у родителей возникает конфликт с сыном-подростком. Сколько бывает ссор, скандалов, криков, слёз, взаимных обвинений и проклятий! А в старину детей было по 5–6 человек. Это ж на сколько фронтов должны были воевать их отцы? Да ещё бороться со своими отцами! А те, если в семье были живы прабабушки и прадедушки, со своими... Но в такой обстановке все или хотя бы через одного, по выражению Грибоедова, «спрыгнули с ума» и зарубили бы друг друга топорами.

И у древних иудеев не было никакого конфликта отцов и детей. Наоборот, в Ветхом Завете, в котором ничего не рассказывается просто так, для красного словца, даны примеры покорности родителям, даже в отношении жизни и смерти. Один пример общеизвестен. Исаак безропотно подчинился своему отцу Аврааму, который, в свою очередь, подчиняясь Отцу Небесному, связал его, положил, как агнца, на жертвенник и уже занёс над ним нож. Никаких попыток освободиться не делал приготовленный к закланию Исаак. А когда Господь его помяловал, не попрекал отца и тем более не мстил ему, но продолжал жить в мире с Авраамом до самой его смерти.

Вторую, не менее яркую библейскую историю помнят все. Собираясь на войну с Аммонитянами, будущий судья Израеля Иеффай дал обет в случае победы принести в жертву то, что первым выйдет из ворот его дома ему навстречу. Конечно, он не предполагал, что первой выйдет его единственная дочь, которая спешила приветствовать отца-победителя. Вот что она ответила, когда отец в горести сообщил ей о своём ужасном для неё обете: «Отец мой! Ты отверз уста твои пред Господом — и делай со мной то, что произнесли уста твои, когда Господь совершил чрез тебя отмщение врагам твоим Аммонитянам» (Суд. 11:36). Так же как Исаак, дочь Иеффая даже не думала убеждать, хотя возможность у неё была: отец отпустил её на два месяца в горы оплакать своё девство.

А каким грозным предостережением звучит евангельская история блудного сына! Собственно говоря, весь криминал состоял в том, что сын попросил свою долю наследства как бы авансом, при живом отце, и распорядился деньгами по своему

Десять «золотых» способов воспитания нравственного опыта

Владислав Вершинин,

заведующий лабораторией инновационных процессов в образовательных учреждениях Ульяновского ИПК ПРО, кандидат педагогических наук

Выживание детёныша животного в природе определяется рефлексам и инстинктами, выработанными миллионами лет существования вида. Дополнительно помогает и опыт целесообразного поведения, усваиваемый либо от других особей, либо рискованным путём собственных проб и ошибок. Что же касается поведения человеческого детёныша, то оно давно уже определяется не столько природой, сколько искусственной средой обитания человека — культурой, обществом. Знание, как вести себя «по-человечески», — это огромное море информации. И каждый ребёнок, едва-едва покинувший колыбель, непременно оказывается на его берегу. Как усваивает он этот необозримый объём информации? И как помогаем ему в этом мы? Предлагаю десять способов решения этой задачи.

Способ 1. Подражание

Подражание — генетически заданный механизм, позволяющий получать необходимый для выживания опыт не генетическим путём, а в процессе общения.

Педагогическая задача состоит в том, чтобы предложить ребёнку качественный образец действия и поведения, создать условия для его собственных действий, помочь перевести оценку окружающих людей в самооценку ребёнка, вызвать у него желание повторных аналогичных действий.

И не думайте, пожалуйста, что он будет подражать исключительно лучшим сторонам вашего собственного поведения! Сложность метода, как, впрочем, и всего семейного воспитания, в том, что ребёнок усваивает не специально организованный образец (как это устроено в школе), а наиболее часто попадающий в поле его внимания, почему-то наиболее привлекающий или дающий более быстрый и явный эффект. Значит, надо позаботиться о том, чтобы следование определённого образцу было ощутимо выгоднее для вашего ребёнка, чем другие варианты поведения.

Однако всё вышесказанное касается прежде всего периода докритического присвоения опыта и абсолютного авторитета взрослых. По мере накопления опыта и развития сознания подражание становится всё более избирательным («как папа...»), приобретает мотивацию («потому что...»), опирается на сознание («я подумал, что...»), получает оценочные отношения («как большой...», «лучше, чем...»). И если при маленьком ребёнке главное для семьи — сам образец, то по мере его взросления всё большую роль начинает играть качество образца. Недаром говорится, что дети — это увеличительное стекло родительских недостатков. Имея это в виду, семье надо особо позаботиться об устранении из своей жизни всего того, что она не хотела бы продолжить в своём ребёнке. В этом смысле дети хорошо воспитывают родителей. Как мудро подмечено в известной пословице, «яйца курицу учат».

Способ 2. Упражнение

Поведение — понятие весьма ёмкое. К примеру, «Педагогическая энциклопедия», куда родителям время от времени всё-таки рекомендует заглядывать, определяет его как реакции и действия, выражающие отношения со средой, в результате которых «человек овладевает действительностью, сознательно и целенаправленно изменяет её». Понятно, что изменение действительности — дело выросшего человека. А вот от действия вашего ребёнка необходимо поговорить уже сейчас. Действовать можно, когда хоть что-то подходящее к случаю ты умеешь. А умения рождаются единственным способом — в упражнении.

Суть любого упражнения состоит в «повторении физических и психических напряжений, действий или поступков, необходимых для достижения некоторой цели, их постепенного совершенствования и доведения в идеале до автоматизма».

При достаточном и успешном повторении упражнение становится всё более лёгким и приятным действием, уже не требующим значительных психических и физических напряжений. В результате возникает так называемый **динамический стереотип** — психологически наиболее экономный способ действия. Теперь на базе этого освоенного и потому простого действия можно формировать более сложные умения.

к рассмотрению. По либеральным меркам, он не совершил ничего предосудительного. Даже наоборот, поступил так, как учат поступать детей в современной школе на уроках граждановедения: чётко знать свои права, в том числе и на свою долю семейного имущества: жилплощади, столового серебра, сбережений. Ну, а уж то, как ребёнок распорядится личными деньгами, вообще никого не должно касаться. Сейчас порой и дошколята имеют карманные деньги (в иных семьях немалые!), и родители не считают себя вправе вмешиваться в траты своих чад. Это собственность, с которой дети вольны делать, что им заблагорассудится.

В библейские же времена поведение блудного сына считалось чем-то немислимым, из ряда вон выходящим. Ненормативность поступка подчёркивается ещё и тем, что он был младшим сыном. Теоретически старший сын хотя бы в силу возраста имел больше прав на самостоятельность, но он-то не стремился отделиться, а оставался в родительском доме и работал на отца.

Бунт сына карается ужасно. Причём не отцом, а самим Богом. Отец-то как раз отдал сыну всё, что тот попросил. Но на чужой земле независимому юноше пришлось работать свинопасом — занятие, немислимое для иудея. Более того, он был готов есть со свиньями из одного корыта, то есть оскверниться так, как, наверное, не осквернялся ни один его соплеменник, ведь свинья считалась нечистым животным. Но даже к свиному корму он не был допущен.

А помните, что сказал отец, когда раскаявшийся сын вернулся наконец домой? «Сын мой был мёртв и ожил» (Лк. 15:24). Выходит, то, что теперь так равнодушно называется «конфликтом отцов и детей», считалось преступлением, приравнивающимся к смерти!

Но вернёмся в Россию, где означенный конфликт возник хотя и значительно позже, чем в Западной Европе, но тоже не вчера. В начале XIX в. А.С. Грибоедов в своей комедии «Горе от ума» лишь слегка коснулся этой темы. Причём у него показан не конфликт поколений, а конфликт отдельной «прогрессивной личности» с «ретроградным обществом», которое включает, в том числе, и ровесников героя (Молчалина, Софью). Грибоедов недвусмысленно даёт понять, что Чацкий одинок в тогдашней России. «Ах, Боже мой! Он карбонари!» — восклицает Фамусов, чётко позиционируя Чацкого как революционера, бунтовщика, члена какого-то тайного общества.

А вот И.С. Тургенев в «Отцах и детях» уже показал конфликт поколений. Хотя опять-таки не тотальный. Базаров — представитель маленького кружка разночинной молодёжи. Разночинцы вообще сыграли огромную роль в разжигании конфликта поколений. Причём зачастую всё начиналось с бунта не против «отцов», а против конкретного *собственного* отца. Такие известные бунтари, как Чернышевский и Добролюбов, бунтовали против отцов-священников и, соответственно, против того, чему отцы их учили. Впрочем, любой концептуальный бунт, как правило, начинается с личных претензий и амбиций.

К концу XIX в. ситуация заметно усугубилась, и это тоже нашло своё отражение в русской литературе. Чеховский студент Петя в эйфории приветствует рубку вишнёвого сада, символизирующую разрыв с прошлым, с поколением отцов. Захлёбываясь от восторга, он говорит о новых людях, которые будут строить новую прекрасную жизнь. И чувствуется, что за Петиними речами стоят уже не отдельные нигилисты, а организованное множество. Действительно, к началу XX в. слово «студент» стало в России чуть ли не синонимом революционера. А поскольку в университетах учились люди молодые, конфликт поколений был уже налицо.

Но возник-то он, как видите, не в глубокой древности, а сравнительно недавно, в новые времена.

— В глубокой древности много чего было хорошего, — скажет читатель, — было, да сплыло. Мы-то живём в новые времена, и отношения у нас соответствующие! Мне тоже не нравится, когда мои подростки меня не слушают и считают идиотом. Но что толку роптать, если иного нам, сегодняшним людям, не дано?!

Так или примерно так рассуждает большинство людей. Можно даже сказать, что это некая новая аксиома. Но не кажется ли вам, что сейчас слишком многое принято подавать как аксиому и что таким образом создаётся неявный запрет на мышление? А мышление включить в данном случае очень даже интересно. Вдруг аксиома окажется ещё одним лопухом, который заглушает росток истины?

Лопух второй: конфликт отцов и детей — неотъемлемая характеристика нового времени

Обратимся к истории XX в. К 1917 г. противостояние поколений, пожалуй, достигло своего апогея. Хотя лидеры революции были самого разного возраста, в том числе и из поколения отцов, основной массив ниспровергателей старой жизни всё же составляла разогретая мировой войной молодёжь. А когда ниспровергаешь, необходимо совершить отрыв от старших. Ведь именно они останавливают, пытаются урезонить, говорят: «Не надо так, ребята! Что же вы, как варвары, всё крушите, ломаете? Деды ваши строили, пот и кровь проливали, а вы... Разве так можно?»

Вот как об этом рассуждают писатели. «Во времена органические и, следовательно, бездемагогические, — пишет в книге «Народная монархия» И.Л. Солоневич, — нация, общество, государство, отцы говорили юнцам так: «Ты, орясина, учись, через лет тридцать, Бог даст, генералом станешь и тогда уж поко-

Способ 3. Требование

Внешним стимулом и способом управления поведением ребёнка является наше **требование**. Простота предъявления требования делает его одним из главных методов семейного воспитания. Мы почти непрерывно и чуть ли не с наслаждением от своих прав взрослого что-то требуем от ребёнка, распоряжаемся, настаиваем, заставляем и т.д. Однако воспитывающая эффективность этих наших воздействий зависит от целого ряда условий.

Прежде всего требования должны быть понятны ребёнку по содержанию. «Не стучи!» понятнее, чем «Веди себя прилично!». Требования должны носить постоянный характер и не меняться в зависимости от настроения родителей или обстоятельств. Требование предполагает его исполнимость, посильность. «Сиди спокойно!» — непосильное требование для ребёнка уже потому, что сидячая поза для него не является позой отдыха, как для взрослого. Она требует большего напряжения, чем движение.

Большое значение имеют сопровождающие требования эмоции взрослых. Иногда ребёнка приучают реагировать не на смысл требования, а на уровень сопутствующих эмоций или на силу звука. В результате фраза «Иди домой», сказанная спокойным голосом, может не восприниматься ребёнком как реальное требование. И только гневное обращение «Я кому сказала?! Марш сейчас же домой, а то...!» (далее могут следовать весьма богатые лингвистические упражнения, смысл которых в нервных эмоциях, а не в словах) вызывает желаемую для родителей реакцию заигравшегося во дворе ребёнка.

Особо следует указать на значение эмоций, вызываемых требованием у самого ребёнка. Все виды требований можно в связи с этим разделить на три характерные группы:

1. Вызывающие у ребёнка неприятные эмоции. Сюда относятся: угроза, окрик, одёргивание, нотация, упрёки, насмешки, выражение недоверия, осуждения и т.д.

К сожалению, в практике семейного воспитания они нередко преобладают. Психологически это объясняется их простотой и попутной прекрасной возможностью для родителей «разрядиться» — вывести с эмоциями наружу своё внутреннее напряжение, вызванное поведением ребёнка или какой-то другой причиной. В сиюминутном смысле они довольно эффективны, однако при частой повторяемости происходит привыкание. Тогда родителям прихо-

дится «наращивать эффект» — усилить угрозу, дольше ругаться, громче кричать или же применять физическую силу.

Главное условие предъявления требования — оно должно восприниматься по смыслу, а не по сопутствующим негативным обстоятельствам, как правило, направленным на подавление воли ребёнка.

2. Не вызывающие отрицательных (да и положительных!) эмоций. Среди них: распоряжение, поручение, спокойное и деловое напоминание, подсказка и т.д. Но если они окрашены собственными родительскими эмоциями, то эти эмоции, естественно, вызовут ответные, того же знака.

3. Направление на мобилизацию воли ребёнка, желаний, на повышение мотивации действий, деятельности, поведения, самооценки. К ним можно отнести просьбу, требование через выражение доверия («У тебя лучше получится»), восхищение, веру в успех, игровые формы требования и т.п. Преимущественное использование таких требований несёт с собой целый ряд позитивных последствий, делающих общение ребёнка и родителей приятным, а его поведение самостоятельным и разумным.

При постоянном контроле за собой родителями бывает нетрудно приучить себя к использованию требований только второй и третьей группы.

В ряде случаев требования могут облачаться в письменную форму, принимать вид правил, памяток, «законов жизни», принципов поведения и т.д. Особенно желательно, чтобы такого рода требования формировались самим подрастающим ребёнком.

Способ 4. Создание воспитывающих ситуаций

Создавая и используя **воспитывающие ситуации**, показывая, обучая и поучая, взрослые стараются передать ребёнку свой опыт. Поощряя или запрещая, они вынуждают ребёнка ему следовать. Но суть воспитания — в присвоении этого опыта. А оно во многом зависит от внутренних, собственных установок ребёнка.

Идеальными вариантами являются абсолютное доверие ребёнка к внешним воспитывающим действиям и воспитателям, высокая степень его собственной заинтересованности в предлагаемом опыте (информации), получение собственного опыта без видимого вмешательства воспитателей. Как говорится, «ваши педагогические уши не должны торчать из-под вашей педагогической шляпы!».

мандуешь, а пока — цыц!» В эпохи же революционные, то есть, в частности, демагогические, тем же юнцам твердят о том, что именно они являются солью земли и цветом человечества и что поколение более взрослое и умное есть «отсталый элемент». Именно эта демагогия и вербует пушечное мясо революции (Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Феникс, 1991).

Пока длилась революционная эпоха, конфликт отцов и детей воспроизводился в каждом следующем поколении. Снова процитируем Солоневича: «Русская интеллигенция — и революционная, и контрреволюционная — почти в одинаковой степени рассматривала себя как последнее слово русской истории — без оглядки на прошлое и, следовательно, без предвидения будущего. Каждое поколение прошлого и нынешнего века ломало или пыталось сломать все идейные и моральные стройки предыдущего поколения, клало ноги на стол отцов своих и не предвидело той неизбежности, что кто-то положит ноги свои и на его стол. Базаров клал ноги на стол отцов своих, — базарята положили на его собственный. Ибо, если вы отказываете в уважении отцам вашим, то какое имеете вы основание надеяться на уважение со стороны ваших сыновей?»

Но потом, когда революционный ураган утих и сопротивление было сломлено, потребовалось упрочить «завоевания революции». Тогда социалистическое государство оказалось очень даже заинтересовано в стабильности и приложило максимум усилий к консолидации общества. Антагонизм отцов и детей канул в прошлое, сделался иллюстрацией жизни при «проклятом царизме». Какой конфликт мог быть между отцами-рабфаковцами и детьми-студентами советских вузов, между отцами-победителями в Великой Отечественной войне и детьми-целинниками? Они вместе строили светлое будущее, и эта гармония поколений утвердилась в формуле «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почёт».

Казалось бы, совсем недавно, только что идеология была прямо противоположной. Стариков, и не просто стариков, а классиков (то есть наилучших стариков) сбрасывали с корабля современности, а тут — вдруг почёт! (Естественно, не всем, а тем, кого революционные бури обкорнали по нужным меркам.) Так было и в 40-е, и в 50-е годы. И даже в 60–70-е: что бы ни рассказывали нам сейчас ангажированные мемуаристы о массовом недовольстве молодёжи той жизнью, которую построили их отцы и деды, — даже тогда конфликты носили в основном частный и локальный характер. Родители могли возмущаться тем, что дочь носит слишком короткую юбку или что сын не захотел пойти по стопам отца — не пожелал учиться на технолога, а подался в художники или не стал поступать в институт, а пошёл в армию. Диссидентские настроения были достоянием чрезвычайно узкого круга людей, преимущественно в столице. У таких людей, конечно, возникали нешуточные конфликты как с собственными отцами, так и с «отцами-основателями». Кто-то, может быть, возразит, что согласие с отцами

в лояльности к власти и её установлениям было трусливым лицемерием. Но сейчас-то бояться некого. Скорее, наоборот, выгодно рассказывать о своих протестных настроениях в годы советской власти. Почему же мы сегодня нередко слышим от тех, чья юность пришлась на 70-е гг., что они вполне искренне верили в советскую идеологию, искренне работали на советское государство, искренне вступали в партию?

Но настало время перестройки, которую её апологеты ласково и лживо поименовали «бархатной революцией». И средства массовой информации стали стремительно ковать племя юных бунтарей. Какие только ярлыки не навешивались на старшее поколение: «рабы», «совки», «коммуняки», «красно-коричневые», «коммуно-фашисты»! А молодёжи усиленно навязывался комплекс жертвы. Помните, сколько шума было создано вокруг перестроечного прибалтийского фильма «Легко ли быть молодым»? Как нам все уши прожужжали про его гениальность? Уже само название-вопрос содержит в себе провокацию. Молодость традиционно считается лучшей порой в жизни человека. Здоровье, сила, красота, любовь, дружба, путешествия, ожидание от жизни счастливых сюрпризов — всё это принято ассоциировать с молодостью. Фильм же переворачивал всё с ног на голову. Пьянство, депрессии, разочарованность, наркомания — словом, один из закоулков молодёжного житья предстал в фильме в качестве центрального проспекта. Ну, и, естественно, во всём были виноваты старшие, которые довели несчастное молодое поколение до такого кошмара.

Этот фильм был ярким, но отнюдь не единичным примером разжигания межпоколенной розни. Как по милицейскому свистку вдруг принялись плодиться рок-ансамбли и прочие «неформалы», которым строгая советская власть подозрительно легко давала угнездиться в подвалах, клубах, чуть ли не в райкомах партии. И все они вслед за хитрыми «политтехнологами» (хотя на излёте СССР это слово было ещё не в ходу) доверчиво повторяли, что их затирают, что у молодёжи нет будущего, что проклятые геронтократы заняли все места и никогда их не освободят.

Тема геронтократов вообще пришлась по сердцу многим нашим согражданам, не только «неформалам». Вся страна потешалась над членами Политбюро. Недостатки их правления как-то очень ловко и умело были сцеплены в средствах массовой информации со старостью. Выходило, что всё дурное и даже преступное случилось в нашей стране не потому, что на безбожии и крови не построишь ничего путного, а потому, что на руководящих постах окопались старики. Такой перевод стрелки на людей преклонного возраста как на главный источник зла помог не только рок-певцам, но и некоторым младшим научным сотрудникам выбиться в люди. Недаром перестройку в народе метко окрестили «революцией мэ-нэ-эсов». Распалённые завистью и эгоизмом молодые начала 90-х настолько потеряли голо-

Собственный опыт ребёнка наиболее достоин, отлично усваивается, но приобретается он длительным путём дорогостоящих проб и ошибок. Воспитатель может специально создавать ситуации, помогающие набираться необходимого опыта.

Типичным видом воспитывающих ситуаций являются специально организуемые ситуации, корректирующие стереотипы поведения ребёнка или его личностные качества. Скажем, скандалы с утренними подъёмами пятиклассника перед школой можно прекратить, если психологический механизм пробуждения перевести с внешних факторов (родители) на внутренние (боязнь опоздать, ответственность). Для этого родителям надо попробовать уходить на работу на полчаса раньше. Будет решена не только проблема подъёма, но и более важная — самоконтроля, самоуправления.

Специальными ситуациями можно корректировать трусость, завышенную или заниженную самооценку, другие качества личности.

При этом создавать ситуации важно так, чтобы для ребёнка они выглядели как можно более естественными. И уж, конечно, важно не упустить подвернувшуюся ситуацию и вовремя включить в неё ребёнка.

Психологический механизм любой воспитывающей ситуации состоит в необходимости действовать на непривычном уровне напряжения или в изменённых условиях, с использованием всех сил ребёнка. При этом возможности, уровень трудности самостоятельного поведения ребёнка должны быть тщательно продуманы взрослыми, чтобы обеспечить ему хотя бы некоторый успех. Элемент риска при использовании этого метода воспитания остаётся всегда. Но получаемый выигрыш, как правило, стоит риска.

Способ 5. Поручения и обязанности

Воспитывающие поручения и обязанности — это уже приобретение эпохи научно-технической революции. Тысячелетиями совместный труд и взаимная забота, в которые непременно включала ещё маленького, по нашим понятиям, ребёнка нужда, мощно и надёжно формировала основы его личности. Цивилизация меняет условия жизни человека гораздо быстрее, чем его организм, центральную нервную систему и происходящие в ней процессы.

Сензитивный период включения ребёнка в семейные заботы, труд и сегодня приходится на тот возраст, когда он настойчиво говорит: «Я сам!» Правильно подобранным поручением можно подчеркнуть новый, более высокий статус ребёнка

в семье, возможность его самоутверждения, осознание им нового уровня своих возможностей.

Причём было бы ошибкой ограничивать обязанности ребёнка только обслуживанием самого себя. Наибольшую воспитывающую нагрузку несёт забота о других. Она формирует способности видеть и чувствовать потребности и состояние других людей (ориентацию), способность к сопереживанию (эмпатию), испытывать удовлетворённость от своей заботы о другом (альтруизм), умение самому увидеть проблему без побуждений включиться в её решение (активную жизненную позицию).

Родителям надо постоянно помнить, что обязанности прямо связаны с правами. Скажем, ребёнок, вымывший пол, получает право требовать соблюдения его чистоты другими. Девочка, всерьёз занятая заботами о младших, имеет право высказывать родителям своё мнение не только в вопросах воспитания, но и по другим проблемам семьи. Поручение, как и другие требования, должны быть выражением доверия к личности.

Способ 6. Дело

Деятельность ребёнка является способом «удовлетворения собственных потребностей собственными силами». Но она может быть и вынужденной, не совпадающей с потребностями, желаниями личности. В любом случае деятельность оказывает влияние на личность, развивая её или угнетая. При этом характер воздействия и в этом случае зависит от так называемой педагогической инструментальности. Один из постулатов педагогической психологии провозглашает: «Чем разумнее организована деятельность и общение в процессе деятельности, тем с большим основанием можно ожидать её положительного влияния на личность».

Однако в этом бесспорно мудром постулате есть довольно уязвимое звено — позиция разумности. «Ребёнок — чистый лист, на котором можно написать всё, что угодно» — это одна разумная позиция, хорошо известная в истории педагогики. «От природы ребёнок совершенное существо, бойтесь помешать природе!» — другая, не менее известная позиция. «Развить в ребёнке можно лишь то, что заложено в него природой» — третья. Далее могут следовать десятки не менее разумных, но, к сожалению, взаимоисключающих позиций. Причём каждая из них была действительно полезной для менявшихся исторических условий и соответствующего уровня развития педагогической мысли.

ву, что не смогли сделать элементарный перенос, не подумали, в какой ситуации окажутся они сами через 10–15 лет. Теперь они с негодованием говорят о возрастном цензе при приёме на работу и о наглой молодёжи, которая только и думает, как подсесть «знающего, опытного сотрудника».

Итак, на примере двух исторических переломов в России — начала и конца XX века — мы с вами видим, что межпоколенный конфликт есть признак не вообще нового, а любого революционного времени.

Наверно, кому-то из читателей снова захочется возразить: дескать, перестройка (а на самом деле, конечно, революция, хотя вовсе не бархатная, судя по количеству жертв!) давно закончилась. Почему же сейчас чуть ли не дошкольник норовит обвинить родителей в том, что они его не понимают и недооценивают (претензия, ещё недавно характерная для подросткового возраста). Ну, а уж многие подростки вообще считают, что в современном мире «всё другое», что всё старое — это «отстой» и предки отстали навсегда. Словом, молодёжь продолжает науськивать на старших. Ну, и при чём тут революция, спросите вы.

Погодите, прополка не окончена! Ещё один маленький лопушок.

Лопух третий: революция тут ни причём, тем паче, что она давно завершилась

Совершенно верно, юное поколение продолжают восстанавливать против взрослых. Иногда прямо диву даёшься: откуда ребёнок это взял? Ведь телевизор он не смотрит, подростковых журналов не читает (хотя кто это может проверить?). А говорит как по-писаному, готовыми клише: и о конфликте поколений, и о правах ребёнка, и о новых ценностях. Воздух, что ли, этим пропитан?

Воздух не воздух, а среда, в которой обитают современные дети, конечно, пропитана духом протеста против старших. Ну, хорошо. Ваш сын не смотрит телевизор. А другие-то смотрят! И читают. И слушают. Да сейчас даже школьные учебники провоцируют подростковый бунт! Открываешь учебник граждановедения — и видишь карикатуру: мегера-мать пытается отлупить сына. А в конце параграфа вопрос: нарушает ли права ребёнка наказание ремнём? Объяснят школьнику, и какие он имеет права на жилплощадь, на семейное имущество и, конечно, на информацию. (В последней сейчас недостатка не наблюдается, особенно по части того, чем стоит заняться, «когда родителей нет дома» — так называлась одна из рубрик злополучного журнала «Cool».)

Да что граждановедение! В самом обыкновенном учебнике английского языка для массовых школ (8-й класс, авторы Перегудова Э.Ш., Черных О.В. М.: Просвещение, 2003) легко обнаруживаются такие, например, «полезные» упражнения. Де-

тей спрашивают: «Что говорят твои родители, когда ты их огорчаешь?» Затем предлагают несколько готовых выражений:

- You need a short sharp lesson!
(Нужно хорошенько тебя проучить!)
- I won't stand any nonsense!
(Не хочу слушать твою ахинею!)
- I'm saying that's final! (Я сказала — и всё!)
- I've had enough of you and your friends!
(Мне осточертели ты и твои друзья!)
- Shut up! (Заткнись!)

Потом снова спрашивают: «Когда твои родители выражаются таким образом?»

Спросим и мы: как вы думаете, способствуют ли такие языковые тренинги укреплению детско-родительских связей?

Да, в детях не перестали сеять неприязнь к родителям. Это правильное наблюдение. Ошибка в другом. Революция не закончилась. Она продолжается, потому что сокрушение социалистического государства было отнюдь не конечной, а лишь промежуточной её целью. В перестройку важно было дискредитировать стариков — приверженцев социалистических ценностей. Сейчас кампания по дискредитации распространилась на всех взрослых. В том числе и на достаточно молодых преуспевающих родителей, которых никак не заподозришь в симпатиях к социализму. Напротив, они вполне лояльны к новой жизни. В чём же дело? Да в том, что большинство взрослых, независимо от политических убеждений, являются носителями семейного уклада. А семья невыгодна идеологам и воротилам общества потребления. Семья — это общий котёл, общий дом, общая машина, общая дача, множество общих предметов. Гораздо выгоднее иметь дело с одиночками — больше можно продать кастрюль и телевизоров.

Но есть ещё более важная цель. Это разрушение традиционных ценностей и представлений, установок и норм — в общем, всего того, что принято называть культурной традицией и образом жизни. Культурная традиция всегда передаётся из рода в род, от старших к младшим. На этом, собственно, держится целостность народа. Оторвите младших от старших, а ещё лучше — восстановите их друг против друга, и распадётся культура. А значит, погибнет народ.

Рассадник блудных сыновей

Вот мы и подошли, вырвав по дороге три лопуха, к заветной цели затянувшейся революции. Настолько затянувшейся, что её хочется назвать хронической. Социализма давно и в помине нет, а нам всё твердят про необходимость реформ и про то, что Запад чрезвычайно обеспокоен, как бы мы не свернули с единственно верного пути. С того, по которому идёт весь цивилизованный мир и который должен привести в некое унифицированное «общечеловеческое» пространство, населённое людьми без

Что же нам взять из этого многообразия?

Желательно сосредоточиться на той части постулата, которая касается **деятельности как обязательного условия развития**. Если есть напряжённая и интересная деятельность, самопреодоление, выход на новый уровень, будет развитие личности. Если, наоборот, процветает родительская гиперопека, устранены с пути ребёнка все проблемы и трудности — будет расти некто вроде Илюши Обломова, непригодный ни к чему.

При этом даже вынужденная деятельность, встречающая сопротивление ребёнка, весьма часто формирует в нём потенциально необходимые качества. (Как ни скучно, например, разучивать балетные позы, но без них не бывает очарования балета!) Да и сам опыт исполнения неприятного оказывается совершенно необходимым для жизни каждого человека.

Деятельность способна удовлетворять интересы самого различного уровня — от самопожертвования ради других или ради идеи до так называемого структурирования времени. (Образцы деятельности на уровне структурирования времени: игра в карты в поезде, «тусовка», просмотр подряд всех телевизионных передач.)

Чем меньше ребёнок, тем чаще он включается в деятельность по ситуации, а не по собственному выбору, и тем примитивней мотивы собственного выбора. Задача взрослых — предложить ситуацию выбора деятельности, позаботиться о её содержательности, помочь сформировать общественно-ценные мотивы включения в неё, организовать оценочные отношения окружающих.

Можно (а бывает, и нужно!) заставить ребёнка делать то, что вам нужно, как нужно и когда нужно. Но разумнее предложить ему два-три варианта дела на выбор, дать возможность самому определить время и способ выполнения. При этом дать понять, как это возвышает его и какое удовлетворение может принести.

Образно говоря, любую деятельность ребёнка желательно организовать так, чтобы в её процессе реализовался «эффект Тома Сойера» (неожиданный и возвышающий взгляд на то, что тебе доверили делать). Тогда деятельность становится осмысленной и ценной.

Способ 7. Распорядок

Режим жизни, то есть постоянно поддерживаемое постоянство основных её элементов, формирует сложный динамический стереотип поведения (суточный, недельный), является своеобразным средством организации жизни и системой требований. Он даёт возможность

периодического контроля и самоконтроля личности, формирует привычку к организованности, энергичному темпу жизни, обеспечивает её наполненность.

Режим жизни ребёнка вначале диктуется его биологическими потребностями (сон, кормление, бодрствование), затем к ним добавляются потребности в деятельности и общении (время подвижных и тихих игр, сказок и телепередач и т.п.), затем в него решительно вторгается учебная деятельность.

Примерный режим для каждого возраста можно получить из педагогической литературы, справочников по детской гигиене, правил поведения школьника. Однако этот усреднённый, среднестатистический режим требует коррекции в каждом отдельном случае. Основа такой коррекции — наблюдение родителей за ребёнком. Можно, конечно, приучить ребёнка кормиться и бодрствовать по часам, в ритме времени. Но лучше проследить и понять потребности и особенности его организма и подогнать режим под его ритмы. Можно сразу после школы отправить на прогулку, а потом усадить за уроки. Но лучше пронаблюдать, успокаивает или возбуждает его прогулка, повышает она его работоспособность или перебивает школьный настрой, увеличивает работоспособность или снижает и т.д. И только после этого и вместе с ребёнком определить эти режимные моменты.

Важно также по результатам наблюдений совместить в режиме дня время наиболее ответственных занятий с суточными максимумами естественно-биологического ритма (пиками активности) ребёнка.

Но, настаивая на строгом соблюдении режима ребёнком, родители сами непременно должны считаться с режимом.

Сложность педагогической задачи состоит и в том, что, приучая к режиму, надо одновременно обучать разумным отклонениям от режима. Чтобы не получалось «перегрева». Другие опасности воспитателя — педантизм, утрата чувства меры, защита от жизненных вторжений ссылкой на режим и т.д.

Способ 8. Игра

Здоровый ребёнок большую часть времени увлечённо играет. Заболевший или обиженный ребёнок играет вяло, неохотно. Неиграющий ребёнок или болен физически, или психически угнетён. Игра удовлетворяет потребности ребёнка в деятельности, в общении, развивает самые

роду без племени. Эткими одинокими кочевниками, совершенно свободно перемещающимися по свету, ни к кому и ни к чему не привязанными блудными сыновьями, которые никогда не вернутся в отчий дом. Потому что их научили понимать свободу как полную вседозволенность, «отвязанность» (неспроста это словечко сделалось таким значимым в молодёжном жаргоне) да и потому что трудно считать дом отчим, если отец покинул его задолго до сына (разведённых родителей-то сейчас чуть ли не 50%). Или в доме вообще не было отца. А у некоторых и матери, а вместо отчего дома — приют, интернат или вокзал. И даже когда отец с матерью есть, так ли уж хочется вернуться в дом, от которого тебя поспешили отлучить, поместив в ясли, в сад, в школу с продлёнкой?

Фактически брошенных детей сейчас гораздо больше, чем нам докладывают в самых пугающих сводках. С этой точки зрения можно даже порадоваться сегодняшней экономической несостоятельности нашей страны. Не спешите возмущаться, а подумайте: когда духовные и душевные связи отцов и детей так основательно подорваны, не экономическая ли зависимость от старших часто удерживает младших от полного разрыва? И не провоцируется ли этот разрыв, когда молодёжи предоставляют лучшие рабочие места, более высокую зарплату, а детей ориентируют на как можно более раннюю экономическую независимость? Заметьте: не на помощь родителям, а на независимость от них.

В нашей стране это пока проявлено не столь полномасштабно, как на Западе, где блудный сын может не просить заранее свою долю наследства, потому что он вполне в состоянии себя обеспечить. А во-вторых, ему нет нужды возвращаться, потому что он сыт. Тут, пожалуй, нелишне напомнить, что евангельского блудного сына домой привёл именно голод. Не чувство долга, не тоска по отцу, не угрызения совести, а самый натуральный животный голод. Конечно, в евангельских притчах есть

и иносказательный смысл, но не стоит пренебрегать и буквальным. Тем более что в данном случае буквальный смысл несколько не противоречит духовной трактовке поведения юноши. Грех отчуждает человека от Бога. Чем больше грехов, тем слабее духовное начало, тем громче заявляют о себе плоть, животные инстинкты, которые разрастаются и крепнут на грехах.

Юность — это как раз время наибольших соблазнов, наибольшей опасности пуститься во все тяжкие. А уж если родителей рядом нет и ты от них экономически не зависишь, тогда вообще никаких преград! Русской культурной традицией эта опасность учитывалась. Не только в глубокой древности, но ещё в середине XIX в. самовольное отделение неженатого сына было для крестьян чем-то немислимым, из ряда вон выходящим. По свидетельству этнографов, в Ярославской губернии «сын не может оставить отчий дом произвольно: отец, если сын вздумает идти самовольно на заработки, всегда может заявить волостному правлению, чтобы сыну его не давали паспорт; если сын уйдёт жить в другой дом, то отец имеет право требовать от него себе на содержание» (Цит. по: *Громыко М.М. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2000*). А когда в той же местности родители отправляли взрослых неженатых сыновей, обычно от 16 лет до 21 года, на заработки, парни, которых называли «отходниками», должны были *все заработанные деньги присылать домой*. Иначе родители могли вытребовать сыновей назад. Когда мать с отцом достигали преклонного возраста, совершеннолетние дети обязаны были «покоить и ухаживать за родителями в их старости, давать им приличное содержание и всегда оказывать им почтение и повиновение». В обязанности детей входило также «честно похоронить» родителей и поминать их.

Подобные нормы существовали и в других странах. Но с отдалением людей от Бога в их жизнь всё больше входит дух разделения и вражды. Уже на рубеже XIX—XX вв. «нежелание детей слушаться родителей» выступает как частая причина разделов в крестьянских семьях. XX век можно назвать веком глобалистских экспериментов. Уверяя людей, что Бога нет, разномастные глобалисты одновременно создавали условия для передачи функций семьи государству, заменяли исполнение личного долга предоставлением социальных гарантий. Зачем, к примеру, западной молодёжи зависеть от родителей, когда можно набрать кредитов и в кратчайшие сроки полностью «упаковать»: обзавестись собственным жильём, автомобилем, мебелью и бытовой техникой? Они, правда, потом много лет в долгу как в шелку. Вместо того чтобы помогать состарившимся родителям, им приходится ежемесячно выплачивать государству энные суммы. Но ведь это не беда! И старикам заботливое государство не даст пропасть, поместив их в чистые, уютные дома престарелых или, в случае тяжёлого заболевания, в хосписы, где специально обученные социальные работники обеспечат им «достойную смерть».

различные стороны его личности, необходимые для его будущей взрослой деятельности. Почти любая игра — это движения, правила, взаимодействия, напряжение риска, стресс от выигрыша или проигрыша. **Суть игры — «реальная развивающая деятельность в воображаемых условиях».** Поэтому всё, что выше было сказано о педагогической организации развивающей деятельности, относится и к игре.

Надо только дополнить, что игра может органично вплетаться в другие виды деятельности и эмоционально окрашивать их, повышая привлекательность. Условность игровой ситуации снижает напряжение ответственности за результат. Эмоции же от природы предназначены для стимуляции и активизации резервов организма. Поэтому так важно ввести ребёнка в содержательные игры, развивающие его физические, умственные и нравственные.

Все игры принято делить на группы по их преобладающему элементу: игра-манипуляция, сюжетно-ролевые игры, подвижные игры, дидактические, спортивные, наконец, так называемые азартные игры. Игра воспитывает и развивает в зависимости от мотивов включения в игру, нравственных обстоятельств, специфически психологического выигрыша. Всё это — предмет прямой заботы родителей и воспитателей-профессионалов.

Способ 9. Общественно полезная деятельность

Особый вид деятельности — так называемая **общественно полезная**, выводящая за рамки семьи, вводящая ребёнка в мир более широких отношений и взаимодействий. Это забота о том, чем пользуются сообщца, — о детской площадке, газоне или сквере, школе. Это и участие в общей заботе о больных и престарелых людях, животных, о природе. Это деятельность в детских и других общественных организациях. Она добавляет новые возможности для развития личности, вносит новые мотивы, роли, расширяет опыт, то есть дополнительно социализирует личность.

К элементам этой деятельности следует приучать уже дошкольника. У школьника младших классов она должна занимать заметное место среди других видов его деятельности. Для подростка она уже может играть роль деятельности, «ведущей развитию».

Способ 10. Чувства

Наиболее глубокой и обобщённой реакцией человека на жизненные обстоятельства являются **эмоции**. Стыд, радость, жалость, зависть доволь-

но точно выражают состояние человека и его отношение к обстоятельствам, их оценку. Одних эмоций хочется избежать, другие — усилить. Для этого надо действовать, реагировать на обстоятельства: менять их или же менять своё место в них и свою роль. Чем сильнее эмоции, тем эффективнее они управляют поведением человека. Следовательно, воздействуя на эмоции человека, можно управлять его поведением.

В эмоциональном отклике действуют одновременно природный механизм и очеловеченное восприятие реальности. Огромная змея вызывает настороженность или страх у большинства людей, но может вызвать восторг у зоолога, так как у него другая оценочная позиция. Значит, **формируя оценочные позиции, можно вызывать и закреплять определённое эмоциональное отношение к определённым обстоятельствам. Когда такие обстоятельства повторяются, то повторяются и эмоции, соответственно направляя человеческое поведение.**

Весьма важно сформировать у ребёнка представление о добре и зле, о том, что можно делать и чего нельзя, обучить правилам и нормам морали. Ещё важнее дать возможность чувственных переживаний, сформировать эмоциональные реакции на определённые обстоятельства.

Как это происходит на деле? Семья формирует не только эмоциональные реакции, но и стереотипы эмоционального поведения. Если мама взвизгивает от испуга, увидев мышь, то будет взвизгивать и дочь, но не сын. Семья ориентирует его на стереотип мужских эмоциональных откликов. Если для девочки «нормальной» реакцией на опасность являются испуг, плач, крик, то у мальчиков испуг должен вызвать мышечное напряжение, общее возбуждение, готовность действовать. Но если в детстве мальчику был дан опыт переживаний опасности по «девочкиному» образцу, то и во взрослом состоянии в аналогичной ситуации прежний чувственный опыт будет диктовать ему реакции женского типа. Поведение по мужскому типу для него тоже возможно, но только за счёт дополнительных волевых усилий.

Чувства пола, долга, стыда, совести, жалости и все другие человеческие чувства не только усиливают ощущение полноты жизни, но и надёжно управляют поведением человека. Если, конечно, они были пробуждены, сформированы и развиты в детстве.

Такова «золотая десятка» способов формирования родителями начального нравственного опыта ребёнка. ■

То есть глобалистски ориентированное государство неуклонно прибирает человека к рукам. А чтобы не применять силу, чтобы человек отдался добровольно, восстанавливает поколения друг против друга. Да ещё внушает, что этот искусственный конфликт абсолютно естественен.

Но ведь когда у близких людей хорошие отношения, им не хочется разлучаться. И даже если им нелегко быть вместе, совесть не даёт нормальному человеку упиваться свободой от сыновних обязательств. Другое дело — сила внушения, когда дети уверены, что родители на них «дают», мешают жить. А родители, устав от бесконечной домашней войны с детьми, тоже хотят отдохновения.

Разжигание межпоколенной розни очень помогает осуществить ещё одну важнейшую задачу глобалистского проекта — способствует сокращению рождаемости. Охота ли иметь детей, которые, не успев вылезти из пелёнок, начнут качать права, а потом уедут на край света и в лучшем случае будут два раза в год слать положенные «Happy birthday» и «Кристымысы» на электронный адрес вашей богадельни?

Разлука без печали

Всякий раз пытаюсь докопаться до сути той или иной глобалистской тенденции, неизбежно натываешься на лукавую подделку. Сказал Спаситель: «Враги человека домашние его» (Мф. 10:36). И впрямь кажется — сколько семей, в которых родители с детьми находятся в состоянии беспросветной вражды. И будто отвечая на призыв Христа оставить дом, отца и мать, братьев и сестёр (Мф. 19:29), дети оставляют семью. А то, что восстановленные против своих близких молодые люди во всём мире пытаются обрести квазисемью в компаниях, бандах, психотерапевтических группах, клубах разнообразных фанатов, сектах, политических партиях? Разве это не дьявольская пародия на эпизод из Евангелия: «Когда же Он ещё говорил к народу, Мать и братья Его стояли вне дома, желая говорить с Ним. И некто сказал Ему: вот Мать твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто Мать Моя? и кто братья Мои? И, указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои» (Мф. 12: 46—49).

Но сразу же вслед за этим Христос добавляет: «...ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать» (Мф. 12:50). То есть отвержение родных оправдано только в одном-единственном случае: когда человек хочет полностью посвятить себя Богу. Но и тогда это не отменяет любви. Она лишь переходит в новое, более высокое качество и выражается, главным образом, в усиленной молитве за близких.

В современном же мире дети покидают родителей в подавляющем большинстве случаев вовсе не для служения Богу, а для угождения своим желаниям и страстям. *И чем дальше*

мир идёт по пути глобализации, тем неизбежной и привычной будет разрыв отцов и детей. Ведь либеральная идеология, положенная в основу глобалистского проекта, утверждает право каждого не просто на личные вкусы, а на свой, часто весьма экстравагантный образ жизни, в том числе на полный аморализм, на самые разные пороки и извращения. Как могут сосуществовать под одной крышей родители, которые целыми днями работают и вечером еле приползают домой, и подростки, которые даже не удосуживаются помыть посуду, устраивают в комнате бедлам и пребывают в непоколебимой уверенности, что они никому ничего не должны, а взрослые обязаны о них заботиться? Возможен ли мир в семье, где для восьмидесятилетнего деда его фронтовое прошлое — главный смысл и оправдание всей жизни, а для внука, начитавшегося разухабистых молодёжных журналов, это лишь повод для «стёба»? Что должна чувствовать женщина, растившая дочь одна и не вышедшая вторично замуж, чтобы не травмировать девочку, когда её дочь приводит в квартиру разных молодых людей, а иногда и двух сразу, и на возмущение матери отвечает, что это ей посоветовали специалисты — психолог (для повышения самооценки) и гинеколог (для снижения риска опухолей)? Так что не только дети, но и родители, разъехавшись со своими отпрысками, несмотря на боль одиночества, всё же порой вздыхают с облегчением.

Выходит, ситуация фатальна? В глобалистском мире, безусловно, да. Атомизация и равнодушие под вывеской толерантности — вот единственный спо-

соб защитить себя от воздействия разнонаправленных и часто враждебных твоему «я» человеческих волей, столкновение с которыми особенно болезненно, если это воля твоих детей.

Возвращение

Но в христианстве нет понятия роковой безысходности. До самого последнего вздоха человек волен покаяться и изменить свою жизнь. И конфликт отцов и детей вполне может быть преодолен, тем более что он не присущ, как мы показали в начале статьи, человечеству от сотворения мира, не онтологичен. Он возникает тогда, когда люди отходят от Бога, становятся блудными сыновьями Отца Небесного. А в XX в. такими блудными детьми стали очень многие. И у нас, где разрушали церкви и насаждали атеизм, и на Западе, где Бог изгонялся из людских сердец более изощрённым способом — через идеологию общества потребления. Можно сказать, что это вообще был век блудных сыновей, когда мир превратился в огромный духовный детдом. Воспитателями в нём становились вчерашние воспитанники — те, кто и сам не знал Отчего дома и считал без-Отцовщину нормой. Вот и выросли поколения приютских, даже не ведающих о существовании Отца, хотя и ощущающих в душе какую-то смутную тоску.

Но в последнее время милостию Божией всё больше людей находит дорогу домой. И потрясённые чудесным возвращением, пытаются рассказать другим «детдомовцам», что настоящий, родной Отец, оказывается, есть и всегда был. И что к Нему можно прийти. И если собратья по «детдому», живущие с ними под одной крышей, откликаются на призыв, постепенно возникают общие темы для разговоров, кроме взаимных попреков и обсуждения покупок. Да и попреков становится меньше, потому что покаяние смиряет эгоизм. А раз уменьшается эгоизм, то появляется гораздо больше общих забот. **НО**

